Ушкуйник

Автор:
Фёдор Козвонин

Ушкуйник

Фёдор Романович Козвонин

Простая жизненная история об обычном парне или экзистенциальная новелла о крушении идеалов пассионарности, сонет о конце прекрасной эпохи, пастораль о бессмысленном и беспощадном русском бизнесе, поэма о переломе очередного потерянного поколения. Социальный магический реализм.Содержит нецензурную брань.

Фёдор Козвонин

Ушкуйник

*у автора есть своё мнение, с которым он в корне не согласен.

*субъективный контент не всегда объективно отражает объективный универсум.

Лой Быканах,

Лой Быканах,

Вы-шли-хлаи

Вы-шли-хлаи

Вы-шли-хлаи

Лой Быканах.

Борис Гребенщиков «Песня ушельцев»

Пора валить всё, что не даёт расти

Пора валить, все тропы зажми в горсти

Выбирай, что ты будешь валить

И пора валить!

Захар Прилепин.

I.

Ветер гасил набегавшие с Вятки волны. В эти края испокон веков каждую весну с юго-запада по небу прилетают белые журавли и приносят с собой надежду, тепло и радость. 17 июля 6689 года от сотворения мира с юго-запада пришли ушкуйники.

Год назад ушкуйники об этом крае не помышляли. Год назад ушкуйники присоединились к войскам Игоря Святославовича, чтобы прочно усадить его на киевский престол. Несли свою службу исправно: стеною встали на Влене и под Друцком не осрамились, но в битве у Долобского озера они стали отступниками и не нужны были теперь ни Ольговичам, ни Мономаховичам. Изменить присяге заставили не страх и не корысть – само провидение отвело поднять оружие на братьев по вере христовой.

Дело было так. Ушкуйники стояли засадой у берега, до времени укрывшись в зарослях камыша и рогоза. Они должны были поддержать половецкий отряд Козы Сотановича, но до той поры быть тише воды и ниже травы – от половцев их отделяла малая дубрава, где несли дозор пластуны. Вдруг немыслимый свет на мгновение ослепил ушкуйников – это среди ясного неба ударила молния, раскатился гром и в мгновение ока пролесок встал стеной огня и дыма. Пока искали брода в пламени, всё было уже кончено: пали Сотанович и Елтук, а князь Игорь с ханом Кончаком чудом спаслись в одной ладье. Не смогли ушкуйники своё дело справить и за сим решили, что больше они не будут под чужой рукой стоять.

Спустя год ушкуи причалили к высокому берегу, где одиноким гордым утёсом возвышалось городище, довлея над привольным, богатым, красивым и покойным краем. Ещё семь лет назад от новгородских купцов пронеслись слухи об этом городке. Болванский, говорят, называется. Вот только почему Болванский – неясно. Может, местные его на своём наречии созвучно звали или дело в идолах на майдане, которых чтили вотяки, но скорее всего штука в том, что всё чужое и непонятное купцам казалось глупым и неумелым. Болванским.

Ушкуйники решили, что тут будет их форпост, плацдарм – место, куда они поставят ногу для того, чтобы начать путь к покорению уютного своей дикостью края. В этом дремучем медвежьем углу можно и нужно жить тем, кто дышит свободой – ушкуйники это знали от тех, кому резал глаза свет от поднятого Киевом и Новгородом креста.

Тем более, что отступать ушкуйникам было некуда – запасы съестного подошли к концу: бочонок солонины протух, пшеница безнадёжно заплесневела. Не разбивая лагерь, помолясь и дав обет святым Борису и Глебу, новгородцы уверенной, стройной шеренгой двинулись к стенам города. Шли ровно, степенно, безоружно – мечи, топоры, щиты и шеломы сложили в опустевшие сундуки и короба. Когда-то похожий манёвр провернул Вещий Олег – прикинулся купцом и заманил в смертельную ловушку киевских князей Аскольда и Дира. Вот и пригретые летним солнцем стражники городка Болванского своим глазам поверили и не дали сигнала тревоги – даже ворот не закрыли. А когда разобрались, в чём дело, было уже поздно – наскоро и кое-как собранные защитники были разбиты, жители городища бежали кто куда.

Да, ушкуйники оказались коварным, лихим и лютым, неотделимым от зла добром. Именно тем, что было нужно этому миру и этому времени.

Дружинник Ждан сегодня был назначен кухарем, дежурным по съестному, поэтому, войдя в покинутое городище, пошёл в показавшуюся ему самой зажиточной избу. Нашёл и репу, и крупы корчагу полную. Заглянул в мясницу и оторопел. Обычно в таких горшках православные люди жарили и тушили мясо, но тут, казалось, какой-то богатырь верзоху расчехлил и афедрон устроил – наложено было дюже знатно. Но никто из дружины Ждана опередить не мог, да и не наделать таких дивных делов человеку, который третий день без маковой росинки. И запах у этого калача бурого был вовсе не таким, каким от нужников веет. Ждан взял длинную деревянную ложку и осторожно ткнул в бок – упругое. Надавил сильнее и оболочка треснула – из неё высыпался сочный фарш: крупа вперемежку с луком и рубленным варёным мясом. Всё ещё недоверчиво, с опаской, Ждан отрезал кусочек и попробовал… Из его голодных глаз хлынули слёзы сытого счастья. Ждан сдержал порыв всё стрескать разом – он помнил о друзьях и понимал, что после поста такой еды лучше много не есть. Больше таких мясных калачей в избе не нашлось. Как быть, чтобы и дружину порадовать, и разделить поровну, да чтоб пошло впрок, а не в заворот кишок? В погребе нашёлся бочонок квашенной капусты и Ждан принялся готовить суп. Он настругал репы, нарвал свекольных листьев, да ещё пшена туда, а когда было уже почти готово, накромсал того странного болванского ёдова. Огромный котёл душисто и уютно бурлил, набирая ароматных сил на всю дружиину. Все ели, да нахваливали. О том, что такое сокта, они уже потом узнали.

Когда ушкуйники наелись, устроились, огляделись, то стали решать, как город назвать. Не под именем же болванов жить?

Ждан предложил назвать в честь Бориса и Глеба, которым обет перед штурмом давали, но тут поднялся старый Курай:

– А ты, Жданко, слыхал ли про то, как охотники Николу Угодника не послушались? Нет-кось? Тогда слушай лучше, пока с тобой люди опытные говорят, – Курай приосанился, устроившись поудобнее. – Значит, жили два охотника – Воладимир и Михайло. Воладимир силки ставил, соболя и зайца добывал, а Михайло утку и белку в лёт бил. Избы у них справные, жёны ладные, хозяйство доброе. Но сошлись они однажды, встретились – каждый мастерством хвалится и так они довольны друг другом оказались, что решили вместе пойти на зверя не простого, а могучего, дабы и шкуру богатую добыть и мяса потом бочонками: чтоб ни метели, ни бурана, ни самума не бояться.

– Ой, а самум – это что ж такое?

– Ты старших-то не перебивай! Вот пойдём когда на море Хвалынское, то узнаешь, – другие ушкуйники постарше одобрительно закивали. – А Володимир с Михайло, значит, уже в походе. День бредут дорогой торной, да тороватой, другой бредут, третий и приходят к перекрёстку. Вроде бы не было его раньше? Стали думать, соображать, куда, значит, идить-то теперь – направо аль налево? И тут навстречу им странник, дедушка седой, но видно, что крепкий. Подошёл и по именам обращается: «Здравствуйте, ловкий Владимир и разумный Михаил! Вы к болоту дальнему путь держите, чтоб зверя добыть могучего и с его мясом пережить любой буран аль самум, а его богатой шкурой удивить купцов заморских? Тогда идите направо, потому что на левой дороге змея люто ядовитая лежит и всех смертью страшной карачунит. Дорога направо хотя и дальше, хотя и закавычней, но ею вы вернее придёте. Поняли-ль, милки?» Те оба два кивнули.

Тогда старец их перекрестил и восвояси пошёл, но куда свернул, путники не разобрали – будто прямо на развилке в воздухе растаял.

– То Никола Угодник был?

– Он самый. Охотники этого, правда, не поняли. Удивились они сперва, мол, какая такая гадюка может нам, двум ловким и разумным охотникам вред нанести? У нас и дротики длинны, и луки туги, и стрелы калёны, и ножи точёны! Да мы её одним каблуком сапога сафьянного растопчем, да белой ручкой в трясину забросим! Спасибо деду за совет добрый, но нам тута нечего шопериться и лишние вёрсты мотать – мы налево, напрямик.

Пошли налево, тем самым лесом – а дорога хороша! Даже голова закружилась от песен птиц певчих, да ветер в спину дует, солнце светит… И как вошло в зенит-то солнце, так видят – на дороге ларь лежит! А ларе том жемчуга да яхонты, безанты золотые да гривны полновесные – самим ни в жисть не прожить, как ни гуляй! Но тут оба и ахнули – не сдвинуть даже ларь тот, не то, что домой тащить. Как быть? Подводу надо! Но и ларь посреди дороги не бросить – вдруг пойдёт какой куролес попроворней? Михайло и говорит Володимиру: «Вот, значит, почему дед тот ушлый от пути-то левого отваживал!». Володимир и рад вторить: «Видать, сам тот ларь раздобыл, а теперь боится, что двое сильных и ловких ему и медяка не оставят. Нет бы сразу сказал – втроём-то, глядишь, хоть как-нибудь бы…» Михайло перебил: «Ладно уж, чего там. Вдвоём тут уж думать нечего – подводу надо. Ты пошустрее меня, так беги скорей до хаты и вертайся взад с лошадкой, а я покамест покараулить буду. Да попроси жену мою, красавицу, чтоб хлеба спекла».

Побежал Володимир и мысли его терзают крамольные да чёрные. Прибежал он домой, запряг коня, и жене кричит: «Ты пеки, жена, мне хлеба два– один простой, а второй чтоб праздничный, с вензелями да косицами. И в тот, который с вензелями, ты яду добавь, которым мы крыс травим по амбарам». Жена у Володимира была послушная – всё сделала, как муж велел. Чмокнул он жену свою в щеку румяную и в обратный путь пустился – свой хлеб, в холстину обёрнутый, жуёт, а ядовитый, в поминальный рушник завёрнутый, за пазухой для Михайлы бережёт.

А Михайлу тем временем мысли непотребные да мрачные обуяли. Устроился он на древе высоком, стрелу калёную на тетиву наложил и ждёт, чтоб пришёл Володимир с подводой – хочет его тут же истребить на месте.

Пришёл Володимир, стал Михайлу звать, а тот ужо целит в него, чтоб выстрелить без промаха. И – точно, прямо в сердце попал: упал Володимир замертво. Михайло потихоньку ларь на телегу перенёс, по шкатулочке, по колечку, по монеточке. Притомился. Вспомнил, что наказал Володимиру хлебом

разжиться и точно – за пазухой, да в полотенце праздничном целый каравай. Обрадовался Махайло, на телегу взгромоздился, лошадь понукает, а сам хлеб-солью пробавляется. Ехал версту, другую, а как перевалил на третий десяток, то затуманилась головушка – упал он с телеги в канаву замертво. А лошадь с ларём дальше ушла куда-то, ей-то ничего не сделалось.

Так вот. Чтобы мы с пути далёкого, но верного не свернули, чтоб про святителя Николу Угодника помнили всегда, место сие наречено будет Никулицыным городком! На месте этом, думается мне, люди не первый век живут, до чуди с их болванами ту не одно поколение было других, древних. Но мы с верного пути не собьёмся.

Он посмотрел на насупившегося Ждана и примирительно сказал:

– Борисоглебской будет церковь, которую там следует поставить, где идолы были, чтоб даже памяти от той погани не осталось. А те, кто идолов не забудут, так лучше пусть святым угодникам кланяются, чем своим чурбакам-обрубышам.

На том и порешили.

Наевшись до отвала, Ждан сел на пригорок очинить своё рубище. Порты с портками протряс, котомку штопать сел. А из котомки выпал жёлудь. Тех желудей Ждан набрал у озера Долобского, жевать пробовал, но горько показалось. Жёлудь тот в траве затерялся, а потом пророс.

***

Наступившую тишину прервал глухой баритон:

– То есть вотяки были до того беспечными, что вооружённую ватагу приняли за купцов и не окрикнули даже?

– Тут, смотрите, ведь как…, – немного погодя ответил ему дружелюбный келейный тенор. – Есть мнение, что Болванский городок был вовсе не укреплённым городищем, а священной рощей, чем-то вроде монастыря, религиозного центра, в который стекались паломники со всего края – «отяки и чудь», как написано в летописи. Многонациональное поселение. Соответственно, никто не удивился делегации, да и удивляться было некому – была там не стража, а языческие жрецы, волхвы, монахи… Ворота же и стены имели не практический, а символический смысл и к штурмам были не приспособлены. Поэтому само собою, что, увидав вооружённых до зубов и решительно однозначно настроенных ушкуйников, прихожане разбежались кто куда.

– Тогда выходит, наши предки были настолько кровожадными, что безоружных порубили?

– Мне кажется, это уже позднейшая легенда о том, как несущие свет христиане с Божьей помощью отважно штурмуют неприступный языческий оплот. Чтоб оправдать своё право тут жить, мол, тут мои предки воевали и кровь проливали! Или сами ущкуйники оказались жертвой разведки – те увидали стены, ворота и доложили – форпост. А разобрались уже тогда, когда ворвались. Вот. Но это всего лишь предположения, летописи говорят о полноценном укреплённом языческом городище.

– Хм… Ведь эти летописи были написаны позднее, постфактум?

– Вот это правильный вопрос, уместный. Летописи были написаны не просто позднее, а целых шесть веков спустя.

– То есть написаны были далёкими потомками победителей?

– Верно. И этим потомкам была нужна легитимность… Так или иначе, но с тех пор этот край стал христианским. Русским.

После минуты задумчивости, тенор продолжил:

– Ладно, теперь смотрите, что дальше было.

Шёл 6963 год от сотворения мира. Тревожный год зловещей эпохи, которая уже не ярилась, как верховой лесной пожар, а исподтишка тлела, как пожар болотный, торфяной.

Ох, как же жаль, что век назад Фёдор Чермной не смог крестить Золотую Орду! Держава Чингисхана приняла магометанство и нынче трещит по швам, а крещёные сами хуже любой Орды стали. На мысе Выми и Вычегды православные вместе с погаными вогулами во время молебна убили епископа Питирима, чем накликали на весь удел гнев Василия Тёмного. Воевода Фёдор Басёнок во главе московско-татарского войска отбил у новгородцев Русу – восемь лет спустя Басёнок будет ослеплён по приказу Ивана III. Москва и Новгород подписали лукавый Яжелбицкий мирный договор, у которого московская копия противоречила копии новгородской. Отравили собачьего сына Шемяку, которого митрополит Иона запретил поминать в заупокойных службах. В Казани поднялся и широко расправил плечи племянник Тохтамыша хан Махмуд. В Литве умер мятежный Свидригайло Ольгердович. В Англии началась война Алой и Белой Розы.

А вятчане тем временем строят кремль. Хлынов. Надёжно строят, могуче, свирепо, чтоб весь разросшийся на холме посад оградить. А вот к чему строительство затеяли – об том разное твердят.

Купец с Астрахани прибыл, шелка бусурманские да паволоки в лавке напоказ выставил:

– Москва, мил человек, стоит меж торговым Севером, хлеборобным Югом, ремесленным Северо-Западом и скотоводческим Юго-Востоком. Обратно же через Москву проходят пути как из Варяжского моря в Хвалынское, так и из Студёного моря к морю Понтскому. Считай, всю Русь купеческую держит. Им теперь нужна только дорога за Большой Камень, на Чиги-Тур. Значит, им нужны мы, – купец поднимает отрез ткани, проверяет на свет и остаётся проверкой доволен. – Москва в любом случае всё к рукам приберёт, но с таким кремлём ей придётся заплатить дороже.

Мужик в лаптях и суровой серой свитке размеренно ступает по вспаханному полю. Наклоняется, берёт ком земли, давит его в руке, а потом нюхает ладонь:

– Кремль нам супротив вогулов да татар. Чтобы не выло, как с Бектутой Тохтамышевым. Понимали чтоб, кумирники, – с наскока нас не взять и нечо тута вообще шопериться.

Плотник, врубаясь в обло – в пахучее, звенящее сосновое бревно. Стружки летят, блестят на солнце. Выдохнул, отёр пот со лба, оглядел ладно сработанный паз:

– Москва ль, Казань ли, Галич там, Сарай… Да хоть бы и Кырым, мать его баляба заовинная! Кто знать может, как там дело обернётся? Главное, чтоб гузно прикрыто было, а Хлынов на том гузне будет добротными портками.

Кремль решили строить по-вятски, то есть основательно, но с придумкою: поставить новые стены да чтобы и с верхним, и с подошвенным боем. Ведь стены крепостные обычно строят как? У таких прясла, стены то есть между башнями, состоят из простых венчатых срубов, которые каждый мало-мальски рукастый мужик справит. Но ежель каждый мужик справит, так любой скапыжник и расшатает. Вятчане на то придумали стены ставить «тарасой», чтоб вся стена была цельной, соединённой стоящими перпендикулярно поперечными стенами. Для пущей крепости брёвна поперечных стен чередовались через каждые два венца стен продольных, вроде как кладка кирпичная. Нехай теперь супостат репу чешет, да ум в кулак собирает, ага. Башни же о восьми углах будут, чтоб пятью углами в поле на ворога смотреть и бить поганого и в гриву, и в хвост – чтоб небо с овчинку казалось.

Для того вековые сосновые стволы многосаженные сплавляли по Вятке-реке моляным способом и с запани тащили волоком на берег. Потом чистили от коры, окоряли, значит, и в колоды складывали о шести венцах, чтоб и сохло, и не гнуло.

Стены решили варганить из сосны, а вот на башни проезжие с воротами, балконами-выступами, барбаканом, стрельней, заборолами, стойчатой смотрельней и прочими премудростями порешили положить дуба могучего. И не для красы, а ради крепости богатырской.

Дуб вятчанам примнилось доставлять в белянах –барках, единожды собранных из брёвен на лесоповале, а когда такая барка-беляна приходила в назначенное для неё место, то её по брёвнышкам разбирали. Способ этот хотя и трудный, зато рачительный – сколько брёвен надо, столько и будет. Да и как ты иначе с затона котельнического против течения попрёшь?

В Никулицыном городке под дубом сидели Евпатька, сын Жданов, Изотий Курайский, безродный Емеля и Кайский Иван. Сидели в тенёчке и лупились в зернь на щелбаны, да так, что только кости летали по днищу перевёрнутого бочонка, а треск от дружеских щелчков оглашал всю округу. Проиграв третий раз подряд, Иван Кайский растирал лоб от полученных щелбанов и смахнул с глаз невольно накатившие слёзы. Проморгался. Вздохнул:

– Эх, до сих пор Василий Буслаев жив был, если б той черепушке Сорочинской столь всыпать, сколь мне досталось.

– Ну-тка, что за черепушка такая? – как-то устало спросил Емеля, которому наскучило попусту кидать костяшки.

– Не слыхали разве? – спросил Иван у принявшихся было заново метать Евпатьки и Изотия. Словно очнувшись от сна, те отрицательно замотали головами.

– Ну, значит, слушайте тогда. В Новгороде, по Ильмень-то да по озеру, ходил ушкуйник Василий Буслаев с дружиною в тридцать человек. Ходил, разбойничал помаленьку, но отчего-то вдруг пригорюнился, с лица спал, грусть-тоска одолела и собрался грехи в Ерусалим-граде замолить.

Мать у него боярыня Амелфа Тимофеевна – вдова матёрая, влиятельная и могучая. Понимает, что сынок на Святой земле таких может делов наделать, что караул. Потому она сына хотя и благословляет в путь, но и проклятье материнское сулит, если тот озоровать вздумает.

– Амелфа? Может, Марфа? – спросил Емеля, который лежал на травке, приподнявшись на локте.

– Ты чего тут Ваньку валяешь? Али уши дерьмом забил? Амелфа, говорят тебе. У них, в Новгороде, не больно-то смотрят мужик ли, баба – им это дело десятое. Главное, чтоб человек разумный был и дело вёл справно, а луно там меж ног иль уд срамной – вообще по барабану.

Так значит, снаряжает поход на Святую землю Амелфа Тимофеевна по самому счёту крупному: и провизии, и снастей, и пороху-свинцу, и кулеврин, и пищалей долгомерных. Лишь бы сы?ночку никто в дороге не заообидел…

– ..иль чтоб сы?ночке обижать по пути сподручнее было, – улыбнулся Емеля.

– Ещё раз встрянешь – дрыном огрею, понял?

Пошёл Василий, значит, по Ильменю. День ушкуй волны рассекает, второй, а на третий встречает Василий гостей-корабельщиков, да спрашивает у них, мол каким бы путём до Ерусалим-града добраться?

– У таких, как Буслаев, всё вверх ногами – сперва благословение, потом сборы, а уж затем только выяснить можно ли вообще дело провернуть – сказал, как в омут жабу бросил, Евпатька. Иван нехорошо на него посмотрел и погладил свой батог. Евпатька сглотнул.

– Отвечают ему, значит, моряки, мол, если прямым путём идти, то дорога семь недель займет, а если окольным, то полтора года. Окольным идти спокойно и безопасно, а вот на коротком пути у устья реки великой лежит остров Куминский и на том острове сидят разбойники. Никакой на них управы нет – смертным боем проезжающих бьют, корабли топят, души христианские губят. Так что тут сам решай. «А не верю я ни кликушам, ни блажи, а верю я в свою палицу!» – так им ответил Василий и отправился путём коротким, семинедельным.

И по пути встретили гору высокую и пошёл Василий с дружиною к той горе. Вот бежит он по склону, старается, и попадается ему под ноги череп человеческий. Пнул его Вася ногою – череп-то летит, да ветер в нём свистит: «Чего ты головой швыряешься? Я молодец был не хуже твоего, а теперь хочу на горе Сорочинской валяться – вот и валяюсь! А ты приходишь сюда совсем без уважения и раз ты почтения ко мне не имеешь, то и твоей голове до?лжно рядом лежать», – заметив очень громкое молчание слушателей, рассказчик руками развёл. – Уж не знаю, как он его так пнул, что тот столько летел-пердел, только мне самому как

сказывали, так и я вам нынче молвю. А Вася-то только: «Тьфу на тебя, нечисть вражья!» И взбежал Василий на вершину горы, а там стоит камень в три сажени высотой, три с четвертью аршина в длину, в топор шириной и весь буквами печатными испещрён. Что там было писано – того не знаю, но было предупреждение: «А кто станет у каменя тешиться?забавлятися, да вдоль скакать по каменю, – сломить будет буйну голову». Василий, чтоб лихость-то свою показать, через камень-то поперёк прыгнул, но вдоль скакать не стал. Может, поостерёгся, а может, не захотел просто.

Но сошла дружина с горы той Сорочинской и двинула к острову Куминскому. Сторожа-дозорные дружины испугалися, решили, видать, что авангард новгородский и, значит, весь флот на подходе – посты бросили и к своим главным разбойникам бросились. Василий за ними спешит, на разбойничий круг пребывает и атаманов тех спрашивает, мол, подскажите-ка дорогу к Ерусалим-граду? Те обрадовались, что это не Новгород к ним руки протянул, а всего лишь такой же брат-ушкуйник о душе задумался. Налили Василию зелена вина, подарки подарили: и серебра, и золота, и жемчугов. И даже провожатого до Ерусалима дали, чтоб тот ему тайную дорогу из моря Хвалынского показал.

Изотий было екнул и махнул рукой, но поглядел на рассказчиков дрын и руку опустил.

– И вот ужо Василий в Иордан-реке. Пришёл он в церковь соборную, и служил обедни да за здравье матушки, и за себя, Василия Буслаева, и за батюшку обедню с панафидою служил, и по всему своему роду. На другой день обедню служил по братьям-дружинникам, по ушкуйникам, да добрым молодцам, которых за жизнь было много бито-граблено. Потом Василий богато одарил обитель, щедро расплатился с попами и дьяками – золотой казны отсыпал не считая.

Получил письма и пошёл искупаться в Иордан-реке, а с ним и дружина его удалая. Плещутся они там, радуются, как вдруг из леса вышла к ним какая-то баба раскосмаченная. Вышла, значит, и говорит, что в Иордан-реке Христа крестили, а ухарям и шинорам тут не место. И раз Василий за главного, то именно он за это и поплатится! Отвечали дружинники, что в ни в кликушество, ни в блажь не верят, и чтоб та баба шла бы себе туда, откуда и пришла.

Искупались добры молодцы и побежали обратно по Иордан-реке, да оттуда дорогою тайной в Хвалынь. И снова прибыли к атаманам разбойничьим, а те уж на пристани встречают хлеб-солью. Доложил Василий атаманам, что в Ерусалим-граде помянул их, поклоны бил и письма передал. Обрадовались те и стали звать Василия на пир, но он не пошёл – пригорюнился почему-то и поспешил домой скорее, в Новгород.

И снова плывут мимо горы Сорочинской и Василию туда сходить захотелось. И снова на склоне нашёл он череп, который в тот раз бог знает куда и забросил. В сердцах Василий его пнул, а череп опять летит-свистит: «И чего ты меня, голову, Василей Буслаевич, попиныеаешь да побрасываешь!?

Я, молодец, не хуже тебя был: хочу на Сорочинской горе лежать – и лежу. А ты приходишь сюда совсем без уважения и раз ты почтения ко мне не имеешь, то и теперь уж точно твоей голове рядом лежать!»

Снова плюнул Василий, да дальше пошёл. Ерохвост нечистый, чего с него взять? И пришёл он снова к тому камню печатному, да в этот раз не только поперёк, но и вдоль него прыгнул, как детишки по бревну. Прыгнул, четверти аршина последних не одолел – споткнулся, упал, да и расшибся. Схоронили дружинники Василия на том же склоне, а рядом лежал череп-свистун…

Вернулись дружинники в Новгород, пришли к матери Василия, вдове матёрой, да поклонились ей в ноги. Показали письма сыновьи – те письма Амелфа Тимофеевна прочла и заплакала. Говорит дружине, что без Василия у неё до них теперь дела нет и велела девушке-чернавушке свести братву в подвалы глубокие, чтоб каждый набрал себе казны не считаючи. Спустились молодцы в подвалы, но казны брали мало, больше для вида, мол, дара не отвергли. Налила им Амалфа по чарочке, они за её здоровье выпили, за хлеб, соль да заботу поблагодарили, поклонились и кто куда разошлись. Один из них моим дедом был, а историю эту мне отец сказывал, – Кайский звонко хлопнул себя по коленке. – Жаль, прошло время Бусово!

Емеля встрепенулся:

– Вот погоди, неувязочка тут. Ты сказываешь, что Василий из Каспия Иордана достиг, но того быть не может – истинно в Святом Писании говорят, что Иордан впадает в солёное Мёртвое море, с Хвалынским морем он никак не сообщается.

– Ну, там, может, между морем и рекой волок какой есть.

– Ладно. Другой вопрос тогда. Что это за письма такие Василий в Ерусалиме купил? Уж не индульгенции ли католические?

– Да побойся Бога, охальник! Какие могут быть, к лешему, католики?

– А такие, которые в Риме, Новом Вавилоне, сидят и Антихристовыми грамотами торгуют напропалую! Тогда всё на места встаёт – спустился Вася себе по пути из варяг в греки, а там от Царьграда уж и до Рима допёр – там рукой подать. Может, не зря говорят, что новгородцы икон святых не признают, с московитами спелись и вовсю жидовствуют?

Изотий, который был степенный с пронзительными глазами и с длинной, но жидковатой бородой:

– Ты уж околесицы-то не мели. Как бы Василий через земли литвинов и татар крымских пошёл мимо турки в Великое море? И море Великое – это вам не Хвалынь: там пиратов, византийцев, венецианцев, флорентийцев что твоих мурашей в лесу. Сплошным боем дорога бы та была. Да и церковь Греческая от грехов разрешает за жертвы обильные, – Емеля опешил и видно, приготовился к чему-то решительному.

Изотий наклонил свою голову и внимательно посмотрел на товарища: – А ты чего глаза вылупил? Как ты думаешь, лучше пусть разбойник свой клад в лесу зароет или свои цехины да бизантии в церковь принесёт, чтоб через это отцы святые накормили страждущих и утешили скорбящих?

– Ну, да… Уж лучше так лиходеи мир поправляют, чем никак, – согласился Емеля.

– Вот, даже ты уразумел. Потому и грамоты такие разрешительные есть – их в Антиохии, в Царьграде и в Ерусалиме как раз можно получить. Только не такому сиволапому, как ты, – Изотий хмыкнул в сторону примолкшего уже Емели. – И это

тоже идёт на пользу тому, что Василий через Волгу ушёл в море Хвалынское, а уже оттуда двинул в Иордан. Спускайся он по Днепру, так он бы те грамоты в Царьграде взял. Так что правдива легенда твоя. И правда твоя, что времена Буслаевых на Руси прошли. Слава Богу.

Низкий баритон съехидничал:

– Как-то у вас этот рассказ по другому выходит, не таким складом, как предыдущий.

– Да это я ещё над форматом думаю. Может, это роман исторический будет, а может – сценарий. Прикидываю так и этак, что проще пристроить будет, – будто извинился келейный тенор.

– Тогда понятно, хорошо. Но что за жидовствующие? Как-то это не больно-то звучит в наше время что для книги, а уж тем более для фильма. Провокационно.

– Да сам не рад… Не знаю, что теперь с ними делать. Вроде и понимаю, что лучше бы выкинуть, но без них атмосфера не та. Это секта такая была в православной церкви, в Москве и Новгороде процветала. Что они там проповедовали – толком неизвестно, но это было что-то вроде православия с примесью протестантства и иудаизма, потому их жидовствующими и звали.

– Ну, ладно. С форматом разберётесь, а там уж проще будет. Кстати, я правильно понял, что город назывался Вяткой, а кремль – Хлыновом?

– Да, всё так. Неясно, почему так назвали. Может, дело в том, что рядом течёт речка Хлыновка или из-за того, что на вотякском «клыно» означает «главный». Ещё на Руси разбойников звали «хлынами», а на Вятке ушкуйников было много… Вот сейчас об этом вам и расскажу тогда.

6988 год от сотворения мира. В Чудов монастырь Московского Кремля заключили новгородского архиепископа Феофила. Бернхард фон дер Борх осаждают Псков. На «каблуке» Италии в Ортано османский Гедик Ахмед-паша приказал рубить головы пленным, отказавшимся принять ислам. У папы римского Александра VI

появляется на свет дочка Лукреция. В Испании Фердинанд II Арагонский учреждает инквизицию. А на Руси поднимают мятеж Борис Волоцкий и Андрей Углицкий, которых заставит примириться только появление Ахмата на Угре…

На Угру отправил своего сына и Евпатий Жданов, стоящий теперь под старым дубом в Никулицыном городке. С дуба опадают последние листья и, прихваченные первым, но крепким морозцем, они лежат разноцветным и мягким ковром, по которому ступаешь с лёгким хрустом. Сквозь необыкновенно прозрачный осенний воздух как-то головокружительно отчётливо видны малейшие волны на уходящей за поворот Вятке. Из Хлынова месяц назад туда отправился большой отряд и среди прочих – Жданов Степан. Как-то ему приходится?

А Степану там приходится так, что голова кружится от восторга гибельного. Но тут по прядку лучше. В начале октября два могучих войска встали друг против друга: на одном берегу рать Ивана III с крымским ханом Нур-Девлетом, а на другом – Ахмат, хан Большой Орды. Зол Ахмат, как собака зол – восемь лет назад он уже ходил на Русь, чтобы отомстить за пограбленный ушкуйниками Сарай-Берке. Тогда чингизид не смог преодолеть Оки и повернул обратно, уничтожив в бессильной ярости городок Алексин, а нужно было показать московскому князю кто в этой земле хозяин. С тех пор московиты перестали платить дань, а князь Иван теперь и вовсе отказывается признать верховенство Ахмата. Такого хан стерпеть не мог, все дела в Орде бросил, собрал огромное войско, во главе которого пошёл на Русь. Но преградою стала река – хотя и не Ока, но и Угру наскоком не осилишь.

Три дня пытался Ахмат найти брешь то там, то тут, но везде его встречали московские пищали и луки: ожидая прорыва и ища для него возможность, растянулись армии вдоль Угры аж на шестьдесят вёрст. Фронт получился огромный, но тонкий – концентрации нет, коммуникации нет. Двух коней загонишь, пока от одного конца до другого доскачешь. Так и встали рати истинно, как волкодав и волк – оба сильны, могучи, рычат, огрызаются, щерятся – шерсть дыбом! Но изъяна друг в друге не видят, в драку ни один, ни другой первым ринуться не спешит. И Ахмат начал переговоры.

Потребовал, чтобы к нему явился князь. Или его сын. Или хотя бы брат! Иван III отправил боярина Ивана Уса Товаркова… Опытный дипломат тянул время всеми силами: по каждому малому вопросу отправлялся за советом к князю, а пока суть да дело, подкупил татарских мурз и не мытьем, так катаньем довёл дело до

того, что войско Ахмата начало страдать от бескормицы, холода и медвежьей болезни. И получилось, что Великий хан действительно обделался, потому что татарское войско смутилось, а московское укрепилось дружинами князя углицкого Андрея Большого и князя волоцкого Бориса. Ахмату помощь обещал Казимир литовский, но где-то он запропастился. Ярился Ахмат, метал и рвал, но ничего не мог поделать – ему оставалось только уповать на время, которое, казалось, работало на него: скоро морозы скуют Угру и монгольская конница в боевом порядке со страшным кличем проскачет по льду. И тогда… Ходит по берегу хан и нехорошо улыбается, глядя на тоненький лёд вдоль берега.

Но и Иван, пока ещё не Великий, тоже времени зря не терял. Когда войска друг против друга встали, князь отправил небольшой, но опытный и ершистый отряд вниз по Волге. В Сарай-Берке, ордынскую столицу. Тем отрядом командовали князь Василий Ноздреватый и хан Нур-Девлет, а в отряде были крымские нукеры и вятские ушкуйники. И с ними наш Жданов Степан.

Конечно, Сарай не был неприступной твердыней: город порядком истрепался, когда сто лет назад в междоусобной войне монгольские ханы делили власть. Потом грозный Тимур разрушил город почти до основания, но Сарай восстал из пепла. Восстал, чтоб стать зеницей Ахматова ока, за которой тот никак не мог уследить.

В отсутствии основных сил, московский десант беспощадно перебил немногочисленный гарнизон и устроил в Сарае грабёж, пожар – сущую Гоморру и Содом. Бросившийся тут же из полыхающего города гонец прибыл к хану второго ноября, упал к ногам Ахмата и с полными ужаса глазами рассказал о вышедшем из преисподней Вальхане с полчищами яростных шайтанов. А мороз уже сковал Угру крепким льдом… Как стоял Ахмат, так и сел, бессильно за голову схватившись. Два часа он так сидел. Потом с остекленевшими глазами встал и велел войскам трубить сбор и восвояси спешить. И как не спешил Ахмат, но всё же на обратной дороге прошёл по владениям вероломного Казимира огнём и мечом.

Москвичи же видят, как ордынские войска из растянувшейся на десятки вёрст змейки начинают собираться в единый огромный кулак. Князья решают, что Ахмат готовится к сражению, поэтому тоже собирают войска и отступают к холмам. Было бы самоубийством давать бой монгольской коннице на равнине.

Монах близкой церквушки утлой упал на колени и со слезами счастья возблагодарил Богородицу. Потому что он увидел, как две рати встают и мирно расходятся. Значит, не зря Иван III целовал святой образ Владимирской Божьей Матери. В следующем году Ахмата в Орде убили, а Иван III стал зваться Великим.

А что с Вяткой сделалось, как с Хлыновом сложилось? После Угры все на Руси поняли силу московскую и мало кто уж ей противился. Горячие головы нашлись в Вятке, которые, надеясь на неприступные стены и пограничное положение, отказались признавать подданство, признавая лишь покровительство, мол, Москва нам не папаша, а двоюродный дядя. Иван Великий тогда отправил войско суровое. Те подошли к Хлынову, посмотрели на него и встали подумать. А чтоб они подумали в правильном направлении, вятчане московскому воеводе сундучок прислали. Небольшой такой сундучок, но два молодца дюже пыхтели, пока несли. Решил воевода московский, что эти стены штурмовать – только народ зазря гробить, и повернул обратно.

Тут бы вятским-хватским хвосты поприжать, так, глядишь, и отсиделись бы – у Ивана и без Вятки забот полон рот, но как же, усидят непоседы… Снова принялись делить-кроить-бузить, да так, что щепки полетели: «Уж нам Москва не покровитель, а прохожий калика перехожий!». Тогда из Москвы другое войско пришло, поширше. И воевода уже был супротив старого ушлый – сундучок прибрал, а восвояси не повернул, пообещав взять на душу грех и спалить стены сосновые берестой березовой. И видят вятчане, что с одной стороны у них москвичи лыко с деревьев дерут да трутами об огниво щёлкают, а с другой стороны бояре мелкими бесами носятся и никакого с ними слада нет. Тогда они тех ерохвостых бояр взяли нежно, но крепко: за дубовые ворота вывели и московитам отдали – пусть тешатся. Московиты самых мордофильных вздёрнули, а тем, которые хоть в каком-то мало-мальски сознании пребывали, велели монатки собирать, да за ними следом идти к государю на поклон. Иван Великий тогда так решил – вятскую знать поселить к себе поближе, а на их место прислал устюжан, которые с Москвой уже давно спелись. Так и стала Вятка частью государства Московского.

А Степан Жданов в тот год схоронил отца, Евпатия. Когда крест ставили, посреди ясного неба грянул гром – ударила молния в старый раскидистый дуб. Напополам дуб разорвало и дерево вспыхнуло будто откуда-то изнутри себя. В час одни головёшки остались.

На сходе мужики избрали Степана ватаманом и вместе с тем покинули край, который вдруг перестал быть родною матерью, а подменился мачехой сварливой. И пошли вятчане на Дон, где уже жили привольной жизнью рязанские братья-ушкуйники. И жили они там привольно ещё, почитай, век, чтобы после снова послужить царю и Отечеству. Но это уже совсем другая история.

– Ага! То есть как только ушкуйники перестали быть нужны, то их сразу к разбойникам приравняли?

– Точно так. То есть, конечно, они ни в коем случае не были людьми святой жизни, но при всех прочих равных на общем фоне…Тогда мораль была иной, а потому судить их по сегодняшним меркам по меньшей мере лицемерно.

Баритон начал, словно предыдущего разговора не было:

– Они. Значит, на Дон ушли… Это выходит, что козаки пошли от ушкуйников вятских?

– Конечно, не истинный факт, но весьма жизнеспособная гипотеза. Козаков на Вятке не было, но именно с Вятки пошли козаков прародители.

– Понял… Коробит меня ещё что-то в этом рассказе. Кажется, что вы в одну сторону клоните и объединение земель русских вокруг Москвы это не добро и вовсе не безусловное благо…

–Ну, добро и зло – это вообще понятия относительные, философские. Тем более, если речь идёт об истории. Скажем, кроманьонцы съели неандертальцев – это не добро, не зло, а, наверное, вынужденная необходимость того жестокого каменного века. Сегодняшнего людоеда стали бы лечить в закрытой клинике, а тогда это было данностью.

Москва была Руси необходима, как консолидирующая сила, чтоб княжества меж собой не перегрызлись насмерть. Вот Иван Калита добился права собирать ясак вместо монгольских баскаков – это было хорошо или плохо? Повернула тогда

Москва ход отечественной истории в лучшее русло или просто подменила собой Орду: был Каракорум, а стала Белокаменная? Но вообще подобные процессы свойственны той эпохе. Например, во Франции в это же время Людовик XI одолевает феодальную Лигу общественного блага и строит примерно такую же, как на Руси, абсолютную монархию. В Японии то время названо Сэнкоку дзидай – Эпохой воюющих провинций и там всё закончилось установлением сёгуната Токугавы. Так что это тенденция. Но в Золотой Орде такого центра притяжения не нашлось, а потому и нету теперь никакой Золотой Орды. Или есть?

– Ладно тогда, понял, что вы хотели сказать. Но как-то это слишком, мне кажется, насыщенно получается – обычный читатель от всех этих Свидригайл, Бектутов и тарасин заскучает и книжку, наверное, закроет.

– Так это же черновик ещё, план, можно сказать. Понятно, что на десяти страницах событий трёх столетий смотрятся несколько концентрированно, но когда это всё раскинется на много глав в большом романе…

– Вы только не обижайтесь, но вот когда раскинется, тогда и смотреть будем. Но я бы очень хотел, чтоб этот роман увидел свет, потому что тема интересная и важная. По крайней мере для тех, кто в Кирове на Вятке сейчас живёт. Чтоб знали, что у нас тут не только лес воруют и майонез вкусный делают. Что у нас за спиной – история. Может, даже с большой буквы.

II.

«Родной наш город Глупов, производя обширную торговлю квасом, печенкой и вареными яйцами, имеет три реки и, в согласность древнему Риму, на семи горах построен, на коих в гололедицу великое множество экипажей ломается и столь же бесчисленно лошадей побивается. Разница в том только состоит, что в Риме сияло нечестие, а у нас – благочестие, Рим заражало буйство, а нас – кротость, в Риме бушевала подлая чернь, а у нас – начальники».

М. Е. Салтыков-Щедрин

22.04.202…

Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дымили углем и бензином, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли всех животных и птиц, – весна была весною даже и в городе.

Солнце грело, трава, оживая, росла и зеленела везде, где только не соскребли ее, не только на газонах бульваров, но и между плитами больничного крыльца. Изначально здание строили как заводской дом отдыха, но четверть века назад помещения отдали медицинской академии, как поликлинику для опытов. Медики навели порядок и стали успешно лечить людей, страдающих ногами, причём пациентов брали не только из своего, но и из соседних регионов – дело было поставлено добротно. Но объективная реальность внесла коррективы и флебологию перепрофилировали под госпиталь. Временно. Именно поэтому на втором этаже в восьмой палате лежали два пациента. Одного, келейно дружелюбного, звали Анатолий Васильевич, а обладателя глухого баритона звали Максим Брусин. Анатолий Васильевич был сухощавым мужчиной неопределенного предпенсионного возраста с внимательными глазами. Максим Брусин был дюжим верзилой, почти богатырём, чуть старше тридцати с грустными глазами.

– Вот вы говорите ушкуйники, козаки… Я слушал и завидовал – перед ними весь мир лежал, жизнь била ключом и было где развернуться богатырскому плечу! То монголы, то вогулы, то татары, то ливонцы! А сейчас, если до того дойдёт, не война, а кино – одни дроны на радиоуправлении и высокоточные ракеты баллистические: сиди, на экран смотри да кнопки нажимай.

– Но ведь и сейчас случаются военные конфликты, где непосредственное участие…

– Нет, конечно, бывают, но они… Кхм… Узкоспециальные, локальные и совсем не священные. – Максим как будто пожевал, покатал из угла в угол какую-то мысль. – Сейчас войны бывают либо в интересах бонз, находящихся далеко от конфликта, либо по воле психопатов, которым эго жмёт.

– Понимаю… Это вроде конфликта гражданской войны в Руанде. Там жили тутси и хуту, которые были представителями одного этноса, говорили на одном языке, верили в одного бога и испокон веку жили в одной стране – гранью между ними лежала только самоидентификация. И в один ужасный день хуту решили поубивать тутси. И поубивали. Кто в итоге погрел руки у этого огня, кто доволен остался? Европейские капиталисты? Местные шизофреники? Ни те, ни другие?

Максим насупился и злобно усмехнулся:

– В такой костёр лично я ни за что не буду хворост подбрасывать. В наше время уже нету противостояний наций за жизненные пространства, а есть конкретные люди со своими конкретными интересами, которые просто не умеют договариваться, так что… – Максим сокрушённо вздохнул. – Да уж на то пошло, у ушкуйников в каждом лесу волки, рыси и росомахи всякие, кабаны, медведи – коль неймётся, так бери рогатину и вперёд! А сейчас можно жизнь прожить и зайца только на картинке увидеть.

Было видно, что Анатолий Васильевич хотел что-то возразить, но промолчал. Максим продолжал:

– Земли опять же неизведанные! За Урал ушёл – и иди на Восток ещё тысячи километров! По Волге спустился – там ночь арабская, а по Оби поднялся – Калевала полноценная. И, главное, в путь можно было простому человеку отправиться – любой конюх или плотник не будет в лихой ватаге лишним! – глаза Максима увлажнились и щёки зардели, но он опомнился и сник. – А теперь сначала выучись в двух институтах, а потом летай на вертолёте в море Лаптевых изучать необитаемый остров размером с футбольное поле. И современник этого не поймёт – зачем, почему… Тоже какая-то спецоперация. Не то, Афанасий Никитин через семь морей в Индию.

– Или слободской купец Ксенофонт Анфилатов, который с Америкой торговал в 1806-ом году. Ещё до того, как с этой страной дипломатические отношения были установлены, – Анатолий Васильевич призывно поднял открытую правую ладонь и вскинул брови.

– Ничего себе! Наш, вятский? Не знал…

– Да, наш. Тогда железных дорог на Руси не было: из Вятки до Москвы добраться было целым приключением, а Анфилатов корабли рожью-льном грузил и в Бостон отправлял.

– Да… Это почти как сейчас на Марс улететь!

– Ну да, что-то в этом роде, – историк улыбнулся. – По крайней мере, в тогдашней Вятке американцев было едва ли больше, чем сегодня – марсианцев.

– Да… тогда мир был какой-то прекрасный и яростный, а теперь всё скучковалось: всё вроде вместе, но при этом врозь… Мне потому в зоне работать и нравилось… Нет, нравилось – тут словно неправильное. Мне казалось, что это важно – охранять нормальный мир от жуликов, бандитов и другого отребья человеческого. А что сейчас мне делать? До пенсии баранку крутить?

– Знаете, один очень хороший писатель когда-то сказал, что признак незрелости человека – то, что он хочет за правое дело благородно умереть, а признак зрелости – то, что он хочет ради правого дела смиренно жить.

– Так в том и штука, что у меня такого дела теперь нет!

– Найдётся. Просто в данный, текущий момент не подвернулось, – Анатолий Васильевич хлопнул себя ладонью по колену. – Конечно, мир сейчас не такой, чтобы Ермаком собрать дружину и – на Кучума! На самом деле мир всё такой же прекрасный и яростный. В нём есть за что бороться.

– Надеюсь, что вы правы.

– У каждого будет время для того, чтобы стать героем – главное, не упустить момент. И, кто знает, может, вы уже свою норму выработали – и цивилизованный мир от злодеев охраняли, и на Кавказе под пулями ходили…

– Было дело, да…

Когда-то Максим был оперативником ФСИН. Уверено шёл по карьерной лестнице: участвовал в контртеррористической операции на Северном Кавказе,

потом закончил ведомственный институт и в неполные двадцать пять лет стал капитаном внутренней службы, но за совершение должностного преступления был уволен и лишён права службы на три года. Гражданская карьера сложилась непросто. Вернее сказать, не сложилась совсем: охранник, продавец-консультант, решальщик, грузчик, стропальщик, курьер…

Поздней осенью прошлого года он вернулся с вахты из Подмосковья – там он работал сушистом. Максим сразу поехал в отдел кадров и подал документы в отдел кадров такого знакомого и желанного ему заведения, которого прочие граждане чурались. Заведение испытывало постоянный тотальный кадровый голод и вовсю призывало вступать в свои ряды всех более-менее подходящих под не самые высокие требования. Но единожды оступившегося обладателя профильного высшего образования, ветерана боевых действий и призёра спортивных состязаний обратно в своих щербатых рядах оно ни за что видеть не хотело.

Дело было так. Максим подал бумаги, через две недели его вызвали на собеседование и отправили на медкомиссию – надеялись, что здоровье претендента на четвёртом десятке хоть где-то, но расшаталось. По всем документам Максим проживал в областном центре, ФСИН тоже находилась в областном центре, но его направили проходить медкомиссию туда, где он проходил её перед призывом в армию полтора десятка лет назад – в уже хорошо подзабытый Верхнекамский район. Пройти нужно было непременно в течение двух недель, но это бы ещё ничего. Дело в том, что эта комиссия полным составом собиралась только для осеннего и весеннего призыва, а призыв заканчивался через три дня. Пришлось сломя голову нестись сквозь ночь, туман, бездорожье в родную глухомань, чтоб всеми правдами и неправдами попадать на это мероприятие. Ему, прошедшему огонь и воду в Ножай-Юртовском районе, пришлось тесниться по обшарпанным коридорам в компании с малолетними оболтусами поголовной категории «Д», которых, видно, Бог приберёг для каких-то других, не ратных подвигов.

Пройдя все эти злоключения и получив заверение в своей годности, Максим вернулся в областной центр. Он сиял и уже мысленно примерял обратно китель, к погонам которого был готов обратно звёзды пришивать. Но, хлопнув заветной бумагой по столу отдела кадров, он получил от начальника отдела кислую просьбу ждать до окончания рассмотрения. Ещё месяц, до «после праздников».

Таких новогодних каникул у Максима ещё не было. За неделю до Нового Года от беспробудного пьянства умер его отец. Похороны в разгар распродаж, мишуры, повсеместной иллюминации и насколько восторженных, беспочвенных и бесчеловечных заверений, что завтра будет лучше, чем вчера, очень быстро довели до двух пачек сигарет в день, нескольких очень лишних стопок водки и привычки к какой-то очень нехорошей усмешке.

После того, как уже и Старый Новый Год вступил в свои права, Максим явился за ответом в УФСИН. Начальник отдела кадров не без гордости сообщил, что нашёл для Максима майорскую должность – должность инспектора административного надзора в посёлке Лесном! Что расстроило Максима в первую, а что во вторую очередь – сказать трудно. С одной стороны, должность, конечно, была майорской, вот только работа на ней была гражданской, то есть пенсия, надбавки, стажевые, соцпакет и статус будут тоже гражданскими. С другой – ходить и проверять как ведут себя уголовники и не нарушают ли режим рецидивисты в депрессивном трёхтысячным посёлке с умершим производством и сданной на металлолом железной дорогой… Это не майорская работа, а пенсионерский приработок. Не о том мечтаешь в неполных тридцать пять. «Не хочешь – как хочешь!». Максим пошёл в Росгвардию – благо, документы были уже собраны. Через месяц был получен ответ, что в среднем начсоставе ведомство в данный момент не нуждается. Скрепя сердце и скрипя зубами, Максим попросился в рядовые – ещё через месяц был получен ответ, что из-за наличия у него высшего образования и прохождения службы в рядах вооружённых сил рядовым его принять не могут, а в среднем начсоставе ведомство не нуждается… Всё это время, ожидая назначения со дня на день, Максим подрабатывал таксистом и, хотя львиная часть выручки уходила на аренду автомобиля, кое-как перебиться получалось.

Максим заболел сразу после последнего отказа в должности. Заболел сиюминутно, страшно и странно. То, что началось обычной простудой, в момент переросло в лихорадку с чудовищными приступами лающего кашля – ибупрофен он пил таблетку за таблеткой, но он не помогал сбить температуру. Приехала карета «скорой» и врачи-космонавты увезли его в эту больницу. Когда пришёл в себя, то обнаружил приятную компанию и хорошего собеседника. С которым он продолжил беседу.

– Ну вот и что мне теперь делать? Поваром я точно быть не хочу, таксовать тоже до пенсии не станешь – это так, несерьёзно. Шабашка.

– Знаете, я бы на вашем месте положился на судьбу – просто разместил бы резюме и ждал результата. При таких анкетных данных от предложений не будет отбоя и наверняка выскочит что-то интересное.

Открылась дверь в палату и санитарка, неуверенно оглядела обоих пациентов, затем, стушевавшись, посмотрела прямо на Максима и громким голосом закричала:

– Брусина Максима к доктору!

– Здравствуйте, Максим Сергеевич!, – врач средним пальцем поправила очки на носу. – Спешу вас обрадовать – анализы пришли все отрицательные, что для нас с вами означает самый положительный результат. От пневмонии не осталось и следа, сатурация в норме, общий анализ крови хороший и полимерный анализ тоже ничего не нашёл… Ваш сильный организм очень хорошо перенёс болезнь!

– То есть я могу теперь рассчитывать, что у меня выработался иммунитет?

Сильно надув щёки, врач, задумчиво округлила брови, шумно выдохнула и снова поправила очки, но теперь уже указательным пальцем:

– Здесь Вам стоит сделать анализ на антитела, чтобы быть точно уверенным. Сделать это будет лучше всего недели через две-три… К сожалению, в рамках обязательного страхования этот анализ не производят, так что придётся обратиться в частную клинику.

– Ага… Ладно, хорошо. Думаю, это не станет большой проблемой – всё же хочется в своём здоровье быть уверенным.

Врач радостно и немного картинно всплеснула руками:

– Да, всё так! Всё именно так, как вы и говорите – ответственно подходить к своему здоровью… Кхм… Профилактика всегда обходится дешевле лечения! Вот, – она сглотнула и посмотрела куда-то в верхний правый угол комнаты. – Со своей стороны посоветую пропить курс поливитаминов и пробиотиков для восстановления микрофлоры. И обязательно прислушайтесь к своему организму

– ведь Ваш мозг достаточно долгое время получал недостаточное количество кислорода… Последствия предугадать трудно – обычно пациенты жалуются на рассеянность, перепады настроения, невозможность сконцентрировать внимание, сосредоточится. Иногда такой период длится до полугода, но всё индивидуально.

– Да, я понимаю. Хорошо.

– Непременно загляните к своему участковому терапевту через месяц, чтобы проверить, всё ли в порядке.

– Да, конечно. Спасибо, доктор.

– До свидания. Всего Вам доброго.

Максим вернулся в палату и стал собирать свои вещи в сумку. После сел на кровать, и, посидев минуту, снова встал и заглянул в тумбочку. Пусто.

– Спасибо , Анатолий Васильевич, за компанию. Был очень рад с Вами познакомиться и с удовольствием прочитаю книгу, когда она будет закончена.

– Обещаю, что дам знать о ней первому. Там правда будет интересно – и о том, как ушкуйники шведскую столицу разгромили, и как ворота в Новгород привезли, и как на Булгарию ходили. И что на самом деле гора у нас в городе не Кикиморская, а Кукмарская… Одним словом, о потраченном времени не пожалеете.

Максим широко улыбнулся и пожал историку руку:

– Желаю скорейшего выздоровления и творческих успехов. Обязательно допишите свою книгу – это правда очень важно.

Максим вышел на больничное крыльцо, оглянулся на эмблему клиники, где змея обвивала кубок, и улыбнулся, заметив почти такую же, но немного другую змею на почти такой же, но немного другой эмблеме аптеки. Он очень обрадовался со

всех сторон окружившей его весне: набухающим почкам на деревьях, радостному щебету птиц, бодрому и свежему ветерку и пробирающему до самых сокровенных тёнет души пронзительному солнечному свету. В такой день кажется, что вот – у меня есть руки, ноги и голова, так что же ещё нужно, чтобы наконец-то…

– Э, братишка, закурить не найдётся?

Позади Максима метрах в пяти стоял здоровяк ростом под два метра. На нём был расстёгнутый на груди тёмно-синий пуховик, под которым была футболка «Челси» со старой эмблемой – рычащим золотым львом. Здоровяк на первый взгляд мог показаться грозным и устрашающим, но какая-то несобранность и наивная неопрятность отчётливо сквозили отовсюду: широкие плечи сутулились, грудь колесом казалась впалой, полубокс на голове начинал пушиться одуванчиком, а одна щека была выбрита чище другой.

– Слышал, ёма, нет? Есть закурить?

Максим обернулся к нему:

– Извини, земляк, кончились, – он поставил на тротуар спортивную сумку с больничными пожитками, а сам повернулся вполоборота к мутному пассажиру.

– Может, тогда червонец на проезд добавишь?

– Прости, дружище, налика не держу, всё на карте.

– Ну, тогда сам напросился, – здоровяк опустил руки и тяжело двинулся вперёд, глядя застывшими глазами куда-то сквозь Макса.

– Слушай, может, не надо, а то я ведь тебе пасть порву! – Максим встал в прямую фронтальную стойку и развёл руки в стороны, готовясь к любым действиям противника – в себе он был уверен даже после двух недель под капельницей, ведь не даром же когда-то на областных ведомственных соревнованиях по боевому самбо он занял почётное четвёртое место. С таким ухарем, как этот, должен справиться на раз, а потом поставить его зубами на бордюр справа… Но от последней неожиданной мысли Максим отмахнулся.

Макс был готов к любому развитию событий, но оппонент его удивил, потому что, сделав два шага, на третьем наступил в выбоину, споткнулся и, не успев выставить перед собою руки, очень звонко треснулся лбом о поребрик слева. Встав на карачки, детина заревел, слёзы градом покатились из его глаз, а на лбу разрасталась гематома. Максим посмотрел на уже очень помятого льва на груди незадачливого грабителя:

– Я-то думал, что ты аристократ, а ты пенсионер грустный. Иди-ка лучше делом займись.

Синий и грустный поднял на Макса свой раскрасневшиеся зарёванные глаза и посмотрел с укором. Макс резко двинулся в его сторону корпусом, детина закрылся рукой и заревел уже во весь голос. Подняв сумку, Максим пошёл через больничный парк к троллейбусной остановке. Парк находился ровно между заводом и больницей, которая когда-то была заводским профилакторием. Теперь, судя по многочисленным бутылкам и окуркам у покосившихся скамеек, заводским профилакторием остался только парк и оставшийся далеко позади поклонник лондонского футбола как раз хотел воспользоваться этой зоной рекреации по назначению, но последних денег не хватило. Зато последнего ума хватило связаться с Максом. Может, это послужит ему хорошим уроком? Вряд ли.

Сидя в троллейбусе и глядя на проезжающие мимо машины Максим почувствовал смутную тревогу, причины которой он сперва не понял. Вроде бы всё, как всегда, но дорожное движение стало ватным, но при этом резким, как луч прожектора из тумана. Мимо проезжали машины едва ли быстрее сорока километров в час, но сознание этого не фиксировало, наоборот, казалось, что они берутся ниоткуда и несутся на бешеной скорости – внимание стало совсем не таким, каким было прежде и зрение будто расфокусировалось. Последствия болезни? Когда теперь всё придёт в норму – через два дня или через два месяца? Никогда? Максим смотрел на дорогу и понимал, что в такси ему пока возвращаться не стоит. А куда стоит: в повара, грузчики, в охрану? Ох… Видимо, придется положиться на судьбу.

Вернувшись домой, Максим первым делом составил подробное резюме и разместил его на популярном рекрутинговом сайте. Вышел на балкон, взял из полупустой пачки сигарету, открыл окно, прикурил. Слева блестел вычурной жестяной крышей четырёхэтажный дом с очень красивым, по мнению

губернских архитекторов, мезонином и современной мансардой. Лофтом. Справа шумела Луковицкая улица.

На подоконнике незнакомым номером завибрировал телефон.

– Алло, здравствуйте! Максим Сергеевич?

– Да, добрый день. Чем могу быть полезен?

– Вас беспокоит Мальвина, менеджер по персоналу ООО «Кравец». Ваше резюме нас очень заинтересовало… Мы бы хотели предложить вам должность управляющего рестораном. Вы сможете подойти на собеседование сегодня к половине четвёртого?

От неожиданности Максим опёрся свободной рукой о подоконник:

– Да, конечно. Только куда?

– Записывайте. Улица Хлыновицкая, 18, А.

– Хорошо, буду обязательно.

Чтобы дойти от дома до офиса ООО «Кравец», Максиму нужна была четверть часа. Пятнадцать минут. Не ждать лифта, а спуститься по лестнице с пятого этажа, свернуть за угол панельной девятиэтажки и пройти мимо двух дореволюционных кирпичных домов: трёхэтажного жилого с белыми пластиковыми окнами и одноэтажного полузаброшенного сомнительно жилого дома с арочным окном в мансарде, которое заделали фанерой. Перешагнуть через маленький забор и срезать угол стихийным разросшимся скверик, покоситься на слепые окна и выйти на улицу Богословскую. Дойти до перекрёстка со Спенчинской и поспешить под свод арки между двух кирпичных многоэтажек.

Выйти на Владимирскую, широко оглядеться, вдохнуть, улыбнуться, увидеть скульптуру – великанские кольца у Дворца бракосочетания, грустно усмехнуться и на всякий случай сложить в кармане кукиш. Перейти по переходу через улицу

и двигаться дальше по тротуару то вверх, то вниз, умилиться маленькому жёлтому домику с балконом на перекрёстке с Никитской. После жёлтого домика бросить взгляд направо и порадоваться бирюзово-белому детскому саду «Лукоморье», расположившемуся в типовом советском здании, похожем на нечто среднее между бастионом Петропавловской крепости и магазином «Берёзка». Посмотреть налево и увидеть точно такое же здание, только цвета бледного фламинго и без весёлых качелей и горок – в этом здании квартирует диспансер наркологический. Роднило эти здания ещё и то, что типовой передний фасад детского сада с двумя выпирающими элементами словно был готов перейти через улицу и органично устроиться между тремя такими же типовыми элементами диспансера. От грустных философских мыслей на верный путь направил детский сад «Теремок», который появился слева сразу после перекрёстка с улицей Свободы – своими пряничными окнами и шпилями на крыше он очень по-доброму напоминал сказу братьев Гримм. Адаптированную.

Дальше Богословская улица пересекала широкую Вознесенскую, но на этом перекрёстке переход пешеходам предусмотрен не был – значит, улучить момент и сломя голову через двойную сплошную. Ух. До цели уже рукой подать, нужно дух перевести. Поэтому можно постоять и поглазеть на стоящий в окружении кирпичных пятиэтажек карманный парфенон жёлтого кирпича в два с половиной этажа с фронтоном, ротондой-бельведером со шпилем, колоннами с капителями и чуть не с балюстрадой. Двери этого архитектурного излишества были наглухо закупорены рольставнями, а между колоннами ротонды-бельведера висел белый транспарант с номером телефона и надписью: «Продаю». Выпустив с характерным неаппетитным звуком сквозь плотно сжатые губы воздух, Максим перешёл через улицу Хлыновицкую к дверям ООО «Кравец» и взялся за ручку. Дошёл.

В офисе Максима встретила очень обходительная и уютная барышня с волосами ярко-голубого цвета, пригласила сесть.

– Вы по поводу должности управляющего рестораном? – с опасливым трепетом спросила девушка.

– Да, – кивнул Максим.

– Владимир Светланович немного задерживается, может быть, хотите кофе?

– Извините…, – не зная, как точно сформулировать вопрос, Максим будто что-то беззвучно пожевал во рту. – Светланович?

– Да, редкое имя, белорусское.

– А…, – протянул Максим и искоса посмотрел по сторонам. На стенах коридора висели грамоты вперемежку с пин-ап плакатами, имитирующими советское прошлое. Коридор вёл в просторный офисный зал, который в настоящем советском прошлом был залом столовой. Максим наконец нашёлся:

– Понял. Просто не доводилось раньше встречать таких отчеств.

– Многие обычно переспрашивают.

– Вы позволите, я пока выйду покурить?

– Да, конечно.

Максим покурил, глядя на уходящую под гору Хлыновицкую улицу. Вернулся в офис и сел в большое кресло для посетителей. Наконец пришёл Владимир Светланович – рослый подтянутый мужчина лет сорока пяти:

– Максим Сергеевич? Здравствуйте, извините, что заставил Вас ждать – совещание с Всеволодом Эмильевичем неожиданно затянулось по независящим от нас причинам…

– Ну что вы, ничего страшного…

– Тогда к делу! – Светланович открыл перед Максимом дверь и приглашающе простёр руку. В кабинете стояло три похожих на школьные парты стола – два вдоль стенки у окон, а один прямо напротив входа. На каждом столе стоял монитор компьютера – два из них работали, но кабинет был пустым. Владимир Светланович зашёл за тот стол, который был напротив двери, сел. Это был единственный монитор, который не работал. Жестом пригласил Максима сесть.

– Признаться, ваша анкета производит впечатление, – Светланович в уважении поднял нижнюю губу и кивнул головой. – Выпускник Академии ФСИН, кандидат в мастера спорта, участник контртеррористических операций, офицер, имеющий государственные награды, но при этом есть опыт в сфере бизнеса гостеприимства – повар-сушист, курьер, таксист… Мы были порядком удивлены, когда это прочитали. Что заставило столь радикально сменить сферу деятельности?

Максим неожиданно для себя подумал, что, пожалуй, всего этого в резюме писать не стоило.

– Стечение обстоятельств. Знаете ведь, что в Органах система палочно-галочная – хочешь или нет, но план выполнить надо любой ценой. Так что если надо коррупционеров выявлять, то тресни, но выяви, иначе сам места лишишься. И вот однажды на таком безрыбье отделу собственной безопасности подвернулся я – угораздило другу дать в долг, а он мне эти деньги на карточку перевёл. То есть без расписки и без чека с ходу мне не получилось доказать, что это не взятка от криминального авторитета. Оно, конечно, можно было бы всё разъяснить, но слово за слово… Вот и оказался я уволенным без права занимать. В итоге даже поваром работал, надеясь по истечении срока восстановиться на службе, но, судя по последним событиям, ничего мне там не светит. Поэтому решил искать уже серьёзной, постоянной работы.

– Да, досадно вышло. Несправедливо. Но что ни делается – всё к лучшему и я уверен, что здесь у нас вы сможете полностью реализовать свой потенциал – Владимир Светланович откинулся в кресле, скрестил руки на груди, посмотрел в окно и стал похож на всесильного префекта Римской империи эпохи правления Тиберия. – Думаю, вы знаете, что мы – дочернее предприятие всем известного завода. Можно даже сказать, что завод – это один карман пиджака Всеволода Эмильевича, а мы, ООО «Кравец» – другой. То есть от перестановки мест слагаемых…

Светланович как будто ждал какой-то реакции от Максима, но, не дождавшись, продолжил:

– Да! У нас уже есть несколько точек общественного питания, то есть опыт в этой сфере имеется. В прошлом году мы открыли ресторан в центре города, через месяц будет готов к открытию другой. Ещё мы решили открыть в городе целую сеть кафе средней руки, буквально в каждом районе города. Такие,

знаете, не пафосные места, где можно посидеть с семьёй, друзьями, отметить день рождения… Можно сказать, этот город уже у наших ног, а там … Чем чёрт не шутит?

Максим понял, что должен что-то вставить, чтобы разбавить этот монолог:

– Мне нравится, что у компании такие амбициозные и далекоидущие планы.

– И широчайшие возможности! Очень хорошо, что московский рынок общепита вы знаете изнутри… Впрочем, об этом позже – Светланович провёл большим пальцем по своим губам. – Сейчас на согласовании находятся четыре точки. Начать же мы хотим с окраины – там уже всё подготовлено, не хватает, считайте, только вывески. Открытие запланировано через неделю. Разумеется, у этого проекта был руководитель – наш сотрудник, опытный и, как казалось, надёжный. Но излишнее наше к нему доверие вскружило человеку голову! Он уже был управляющим, более пяти лет с нами, но две недели назад в его баре была выявлена недостача, проверена документация… Оказалось, он водил нас за нос! Пришлось с ним расстаться и срочно искать замену. Тут, знаете, мы столкнулись с проблемой – те, кого мы находили до сего дня, не дотягивали до планки наших ожиданий, а ваша анкета… Обычно такая формулировка используется для вежливого отказа, но нам действительно показалось, что вы для такой должности слишком хороши. Я рад увидеть в вас компетентного человека и я уверен, что с такими людьми, как вы, мы сможем перевернуть этот город! Мы в любом случае будем развивать проект, но ваша точка будет лакмусовой бумажкой – в районе, где будет открыто первое кафе, конкурентов у нас нет. Так что модель поведения выстраивать будет проще всего. Завтра жду вас тут же, в офисе, в девять утра – поедем смотреть наш плацдарм или полигон. Место для шага вперёд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kozvonin_fedor/ushkuynik

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить